

республиках процессов позволит составить общую картину этнокультурного процесса на «постсоветской» территории.

Вопросы изучения «пересечения культур» особенно актуальны в последнее время в связи с расширением международных контактов на всех уровнях. Это обусловлено тем, что поведение конкретного человека, его социально-культурная компетенция может быть представлена шкалой, в которой есть нижняя точка, как фиксирующая ошибки в социально-культурной ориентации, а есть и верхняя точка, которая рассматривается как «культурный шок» и может привести к негативным последствиям.

Предотвращение подобного «культурного шока» требует усилий многих специалистов в области этнокультуры, этнолингвистики, начиная от «глобальных» разработок и заканчивая деятельностью педагога, преподающего родные вторые и иностранные языки. Это огромное поле деятельности, которое необходимо «начать возделывать» разным специалистам совместно.

Конкретная этнокультурная ситуация, сложившаяся в Узбекистане, очень любопытна. Узбекистан, особенно его столица Ташкент, имеет многонациональный состав, что обусловлено исторически. В национальном составе населения города в 70-80 годы преобладали «русскоговорящие», т.е. примерно 60% населения, куда также входила большая корейская диаспора. Это создавало предпосылки для особой этнокультурной ситуации, которая достаточно подробно будет освещена в докладе.

Особое внимание будет уделено области образования, как высшего, так и школьного, области культуры, межэтнических взаимоотношений, проведению параллелей жизни республики в 80-90 годы, вплоть до конца тысячелетия.

Отмечается особое уникальное явление в республике - естественный билингвизм, а также явления своеобразной интерференции, когда узбеки, говоря по-русски, мешали русские и узбекские слова, добавляя к русским словам узбекские окончания и многое другое.

Краткий обзор ситуации, предложенный в докладе, не может дать исчерпывающей картины. Сложно однозначно оценить этнокультурную ситуацию в республике Узбекистан, однако сумма многообразия происходящих процессов свидетельствует о том, что республика развивается в чем-то поступательно, в чем-то противоречиво.

Кузнецова А.И.

УРАЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ СИБИРИ

Работа выполнена благодаря финансовой поддержке фонда

«Открытое Общество» (грант № 1567/801/1998)

В русских диалектах Сибири бытует большое количество слов, пришедших из уральских, тюркских, палеоазиатских, тунгусо-маньчжурских, енисейских и других языков. Уральские языки-доноры занимают среди них заметное место. Русские переселенцы в Сибири, начиная с XVII-XVIII вв., усваивали от уральского аборигенного населения не только гидронимы, топонимы (р. Обь < коми об «снежный занос», г. Обдорск < коми об+дор, где дор «край, место возле чего-либо»), этнонимы (тунгус < нен. *tun, aos* «эвенк», Югра < коми *йёгра* «обские угры: ханты и манси»), но и многочисленные слова, означающие реалии разного рода, действия и другую лексику.

Знакомство с происхождением русских диалектных слов по «Этимологическому словарю русских диалектов Сибири» А.Е. Аникина (Новосибирск 1997), представляющему собой замечательную коллекцию заимствований в русский язык из уральских, алтайских и палеоазиатских языков, показывает, что русские диалектизмы допускают заимствования не в одном, а в

нескольких, подчас сильно удаленных друг от друга местах и в разное время. Проблема моно- или полицентризма заимствований обусловлена, с одной стороны, широким ареалом распространения ряда языков, слова из которых заимствуются в языки, контактирующие с ними непосредственно. При этом часто язык-источник существует в виде диаспор, значительно удаленных друг от друга. Так, перемежаясь с другими языками, ненецкий распространен от Архангельской области до Таймыра, коми - от Кольского полуострова до Оби, селькупский - от Ямала до Томска и т.д. С другой стороны, отдельные слова могут заимствоваться многократно, и могут быть представлены, таким образом, сразу в нескольких языках (напр., в русском и кетском, а из кетского попасть затем в селькупский). В силу существующей диффузии слов-источников установить конкретный язык-посредник для заимствованного в русский язык слова очень трудно. «Переселение» слов из Европы (из прибалтийско-финских, саамских, ненецких, коми языков и некоторых других) в Азию, где к ним присоединялись селькупские, хантыйские и др. слова из языков сибирских аборигенов, происходило разными путями и в разное время.

Часть слов попала в русский язык задолго до колонизации Сибири в XVI в. (начиная с новгородской колонизации Севера): напр., существительное *морда* «рыболовный снаряд, мережа» пришло в русский из пр.-фин. языков (фин. *merda*, эст. *mõrd*, кар. *merda* и т.д.), слово *морощка* - тоже финно-угорского происхождения, но точный источник заимствования не установлен (фин. *muigama?* манс. *mogax?* хант. *mögəx?* нен. *márángá?*). Заимствования в русский язык могли появиться и в более позднее время непосредственно из языков аборигенов после завоевания Сибири. Так, глагол *сагудать* пришел в русские диалекты из энецкого языка (*saguda*- «потреблять сырое мясо»).

«Расселение» на сибирской земле уральских заимствований в русских диалектах было не равномерным. В словарях русских диалектов Сибири даются слишком общие пометы, типа «турух.» (туруханские говоры русского языка) или с.-краснояр. (северные русские говоры Красноярского края) и т.п. В отдельных русских говорах количество заимствований из разных уральских языков может быть различно и появление новых слов в данном говоре происходило не одновременно. Проверка наличия и реального знания русскими диалектных русских слов, пришедших из других языков, проводилась в говоре села Фарково со смешанным селькупско-русско-кетским населением (из 346 чел. здесь 213 селькупов, 113 русских, 18 кетов и 2 эвенка). Фарково, в котором велся опрос информантов, - единственное в туруханском районе селькупское село. Всего в речи русских жителей Фарково обнаружено порядка 70 заимствованных слов уральского происхождения из общего количества уральских слов-источников (более 400), зафиксированных в Туруханском районе Красноярского края в словаре А.Е. Аникина. Распределение заимствований в русской речи русскоязычного населения может быть представлено по разным языкам-источникам в убывающей последовательности: коми, сельк. (по 15) — пр.-фин. (12) — нен. (9) — саам. (6) — хант. (5) — манс., эн., нган. (по 2). Приблизительно 5 слов могли прийти из разных источников, через языки-посредники, напр., *нюк* (< коми? < хант.?), *ровдуга* (< фин.? < саам.?) и др.

Коми и селькупский делают между собой первое место не случайно: с одной стороны, в селе с подавляющим количеством селькупского населения вполне естественным является проникновение в русский язык многочисленных селькупских слов. С другой стороны, коми слова встречаются в большом количестве в этом районе, как, видимо, и в ряде других, в силу того, что северо-запад Сибири был исходной территорией ее освоения до официальной колонизации Сибири, а проводниками обычно служили коми, которые могли

далеко уходить от мест обитания своего этноса. Интересно, что сами селькупы из 120 селькупских слов-доноров, адаптированных русским языком в разных регионах Сибири (а не только в Туруханском районе), опознали их лишь в 20 случаях как слова родного языка, уточняя их произношение. Среди прибалтийско-финских языков преобладают заимствования из финского языка, затем – карельского и 6 слов – неясного пр.-фин. происхождения. Все эти источники заимствования (исключая, разумеется, селькупский язык) можно назвать досибирскими, так как слова из перечисленных финно-угорских языков, а также из саамского, пришли в Сибирь вместе с переселенцами-русскими, уже будучи заимствованными в русский язык. Остальные заимствования происходят из селькупского и ненецкого и в меньшей мере из обско-угорских языков; из энецкого и нганасанского – считанные единицы. Важно отметить, что усвоенные русским языком уральские слова не селькупского происхождения воспринимаются селькупами как исконно русские (напр., *юксы* «мягкие крепления на лыжах, ремешки», хотя это слово саамского происхождения), или опознаются как кетские и эвенкийские, если слышали их в речи живущих поблизости кетов и эвенков.

Ломтева Н.Н.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Н. С. Трубецкой уделял огромное внимание изучению кавказских языков. Он создал достаточно работ по изучению фонетики и морфологии кавказских языков. / "Исследования в области сравнительной фонетики северокавказских языков", "Строй восточнокавказских языков" и др. / Главным аспектом северокавказских исследований Трубецкого является построение сравнительно-исторической грамматики этих языков. Во многом вопреки интересам и научным взглядам Трубецкого, уделяющего огромное внимание контактам русского языка с языками народов Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, контакты русского языка, образующие "внешнюю" историю языка, никогда не являлись предметом классического изложения. Ни один учебник по истории русского литературного языка не содержит специальных разделов, отражающих внешние контакты языка. Этот недостаток традиции может быть восполнен работами русских писателей.

Исследование художественных произведений очень важно для истории изучения языковых контактов, например, 19 века. История становления русского языка как средства межнационального общения может включать описание языковых контактов в этот период, но время поглотило эти языковые ситуации, языковые контакты, и их носителей. Поэтому нам и представляется возможным изучение языковых контактов на материале художественной литературы того времени. Материалом могут быть произведения А. А. Бестужева-Марлинского, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и других писателей, в которых отражено присутствие других языков, оценок своеобразия неисконной русской речи (русской речи нерусских людей).

В художественном тексте могут встречаться и другие языки, и смешанные языковые ситуации. Представители разных национальностей говорят со страниц русских художественных произведений по-русски, хотя читатель знает, что они говорят на своем родном языке. (Хаджи-Мурат в повести Л. Толстого "Хаджи-Мурат", Бэла в романе М. Лермонтова "Герой нашего времени"). Текст и его автор всегда "сигнализируют" читателю, что одноязычие условно, что на самом деле в отдельных случаях русский лишь занимает место другого языка. С этим связана тактика представления другого языка в русскоязычном тексте, формы и способы

отражения других языков, а также проблема художественного разрешения возникающего языкового барьера.

Автор может ввести в текст переводчика: "Спроси его, чем я могу служить ему, - сказал Воронцов переводчику. Переводчик передал, и Хаджи-Мурат тотчас отвечал ему..." /Л. Н. Толстой "Хаджи-Мурат"/. В "Герое нашего времени" М. Ю. Лермонтов вводит в повествование сигнал языкового общения Бэлы и Печорина: "Долго бился с нею Григорий Александрович, между тем учился по-татарски, а она начинала понимать по-нашему". После введения такого сигнала мы понимаем, что общение между героями может идти в дальнейшем и на русском, и на татарском. Другим приемом может быть использование неисконной русской речи: "Поджалуста, поджалуста, не нада, не нада" /Слова Бэлы из "Героя нашего времени" М. Ю. Лермонтова/. Наиболее общая лингвистическая характеристика неисконной русской речи – это уровень владения языком и наличие ошибок. Автор не указывает на все подробности неисконной русской речи, а лишь на самую существенную деталь. В художественных текстах авторы могут просто указывать на особенности интонации, акцента: "Их пять братьев, - рассказывал лазутчик на своем ломаном полурусском языке..." Соответствующие особенности хорошо известны носителям русского языка, выработано устойчивое представление о своеобразии русской речи в исполнении представителей других национальностей, поэтому, используя авторские описания уровня владения языком, характеристики акцента, можно составить своеобразную шкалу уровней владения русским языком в описываемый период.

Чаще всего неисконная речь передается с помощью русского алфавита. Поэтому актуальным в лингвистике является вопрос, относить ли эту речь к русскому языку или нет, или это какое-то третье состояние, которое можно определить как смешанное. Есть случаи, когда действительно непонятно, неисконная речь это или другой язык, переданный русскими буквами: "А зе пану Зеготе эци клейноты дешчево прихлись" /А. А. Бестужев-Марлинский "Наезды"/

Лингвисты анализируют языковой материал (слова) из разных русскоязычных и русских произведений. Но сочетание языков в тексте, специфика общения между носителями разных языков представляют особый интерес с точки зрения ввода "чужого" языка и указанных "пограничных" языковых сущностей в русский язык художественных текстов.

Меламед С.Л.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В РОМАНЕ Ф.А.ИСКАНДЕРА «САНДРО ИЗ ЧЕГЕМА»

Художественный стиль национального писателя, создающего литературные произведения на русском языке, обладает своей особой стилистикой. Языковой контакт имеет место непосредственно в сознании писателя-билингва, когда системы двух языков соприкасаются, взаимодействуют, и это взаимодействие проявляется в языковой ткани текста. В особенности отчетливо оно проявляется при передаче двуязычным писателем национального колорита, культурных и бытовых реалий народа.

Процессы, имеющие место при взаимодействии двух (и более) языков в ситуации языкового контакта, а также результаты этих процессов всегда находились в области интересов одного из крупнейших лингвистов нашего столетия Н.С.Трубецкого, которому принадлежит множество трудов по компаративистике, среди которых особое место занимает учение о языковых союзах и контактах. Ситуация языкового контакта, взаимодействие разных народов и языков, на протяжении длительного времени существующих в непосредственной географической близости, приводит, по мнению Трубецкого, к